

Саня Зубавин возвращался из школы в отличном настроении. Сегодня в магазине культтоваров появилась в продаже кинопленка один на восемь. Всего шестьдесят копеек. Сорок у него есть. Двадцать он возьмет у Димки в обмен на венгерский значок — Димка на него зарится уже целую неделю.

Вот когда можно будет, наконец, испытать «Каму» в деле! Бачка для проявления пленки у него, правда, еще нет, но Андрей Злобин, кинооператор телестудии, обещал проявить сам. А если Андрей обещал...

Саня ловко толкнул ногой калитку и, прежде чем она захлопнулась снова, проскочил во двор. Братишка с унылым видом стоял у забора и жовырял ботинком в сугробе.

— Эй, Димка-невидимка, — крикнул Саня. — Значок хочешь?

— Хочу, — как-то вяло отозвался Димка.

— А двадцать копеек мне дашь из твоей копилки?

— Дам.

— На, бери значок... Ну!

Но Димка не подходил.

— Ты что? — удивился Саня. — От мамы влетело?

Димка отрицательно покачал головой.

— Ребята надавали?

— Нет.

— Так что же?

— Ничего.

Нет, что-то с Димкой было не в порядке!

— Слушай...

Саня сделал несколько шагов в сторону Димки, но тот сорвался с места, словно испуганный заяц, и мелкой рысью побежал в другой конец двора.

Сомнений не оставалось: Димка нашкодил.

— Ты что наделал? Говори! А то как поймаю...

— Я же не виноват, если она сама вылезла, — плачущим виноватым голосом отозвался Димка. — Я думал, ты потерял.

— Что потерял?

— Тетрадь... А папа сразу взял и отнес в комиссионку.

— Тетрадь?

— Нет. «Каму».

— «Каму»?!

Саня единым махом взлетел по лестнице и забарабанил в дверь.

— Где «Кама»? — завопил он, еще не успев войти в квартиру.

— Что за тон! — Мама говорила строго и сердито. — Разденься и садись за стол. Все уже остыло. Я не буду сто раз подогревать.

Саня бросился в детскую, вытащил нижний ящик письменного стола. «Камы» не было на месте. Ни «Камы», ни футляра, ни инструкции.

Саня повернулся к маме. В глазах дрожали слезы.

— Как же так, мамочка?

— Ах, у меня там пригорает!.. Папа совершенно прав! — минуту спустя донесся ее голос из кухни. — Ты обманул, не сказал про двойку, спрятал тетрадь.

— А что я должен был делать? Какая-то несчастная, случайная двойка! А папа не купил бы «Каму».

— Все равно обманывать нельзя... — Мама вышла из кухни. — Постой, Саня, ты куда? Постой!

Но Саня, не слушая, уже мчался вниз по лестнице.

Комиссионный магазин помещался неподалеку, за три квартала. Саня иногда заходил туда — все ждал, что кто-нибудь принесет бачок для киноплёнки. Ему не нравилось в магазине: сумрачное помещение, в котором целый день горит электрический свет, затхлый запах, тихие грустные вещи, преданные своими хозяевами и торжественно ожидающие новых.

Он подошел к прилавку, на котором лежали фотоаппараты, часы, барометры.

— А тебе что, мальчик?

Юркая продавщица с острым птичьим лицом смотрела на него с откровенным подозрением.

— «Кама»... «Кама» у вас продается?

Где-то в глубине души он хранил надежду, что папа все же не понес «Каму» в комиссионный.

— «Кама»?

Саня проследил за взглядом продавщицы и увидел камеру. Вот она, в кожаном футляре... Висит на гвозде, словно безработная авоська. Его «Кама»!

— А деньги у тебя есть? — спросила продавщица.

— Мне только посмотреть.

— У нас не кино. Отойди отсюда, не мешай покупателям.

Как выручить «Каму»? Как выручить?

К прилавку подошел мужчина в шляпе и стал шарить любопытным взглядом по выставленным вещам.

— А это что? — спросил мужчина, тыча перед собой длинным пальцем.

У Сани екнуло сердце.

— Узкоплечная киносъемочная камера, — с готовностью ответила продавщица и сняла «Каму» с гвоздя. — Один на восемь миллиметров.

— Интересно!

Мужчина пробежал глазами инструкцию, запустил пальцы в футляр и, схватив шнур, бесцеремонно, словно щенка за шкуру, вытащил камеру. Покрутил в руках, стал заводить пружину.

— Хватит! — не выдержал Саня.

— Почему — хватит? — Мужчина посмотрел на него недоверчиво. — Тут сказано — двадцать поворотов.

— Не обязательно до самого конца.

— А как фотографировать?

— Не фотографировать, а снимать... Нажимать вот эту кнопку.

— Интересно!

Мужчина нажал кнопку изо всех сил. «Кама» жалобно щелкнула. Саня стиснул зубы и с ненавистью посмотрел на костистые пальцы мужчины. Они все жали и жали кнопку. «Кама» трещала, надрываясь, а мужчина улыбался, широко и бессмысленно, как грудной младенец занятой игрушке.

Завод кончился. Мужчина завел пружину еще раз и снова принялся щелкать. Больше Саня не мог выдержать этой пытки. Он выхватил «Каму» из рук мужчины.

— Вы же ломаете!

— А тебе что? — обиделся тот. — Интересно!

— Уходи отсюда! — накинулась на Саню продавщица, отбирая аппарат. — Кому я сказала?

Саня отошел и с замиранием сердца стал наблюдать за мужчиной издалека. Но тот, пощелкав еще немного, вернул «Каму» продавщице. Он вовсе не собрался ее покупать.

Саня вздохнул с облегчением.

Кончился рабочий день, народ пошел гуще. «Кама»

уже побывала в нескольких руках, но снова возвращалась на место.

Серьезная опасность возникла перед самым закрытием магазина.

Саня уже хотел уходить, но тут заметил у прилавка мальчишку с отцом. Мальчишка смотрел на «Каму» и хлопал в ладоши:

— Вот, вот!

Они попросили камеру и стали рассматривать, похозяйски, не щелкая зря, и Саня почувствовал, что надо немедленно что-то предпринять, если он не хочет навсегда лишиться своей «Камы». Он набрал воздуха, нырнул в гущу людей, пробрался между шубами и пальто и вынырнул возле прилавка, совсем рядом с мальчишкой.

Бросил на камеру пренебрежительный взгляд и произнес негромко, чтобы не услышала продавщица:

— Дрянь!

Мальчишка сразу насторожился.

— Откуда ты знаешь?

— А у меня была точно такая же. Фокусировки никакой — все смазывает. И потом пружина.

— Что пружина?

— Сразу полетела. Еле-еле сбаврил через комиссионку.

— Видишь! — отец мальчишки пихнул «Каму» обратно в футляр. — Я же тебе говорил: обождем, пока будет в фотомагазине.

— Вот правильно! — поддержал его Саня. — А то тут такое купите...

— Опять ты! — подскочила к нему продавщица. — Вот я сейчас милиционера позову... Не слушайте вы его, хорошая камера, новая совсем.

Но зерно сомнений, посеянное Саней, уже дало ростки...

Когда Саня возвращался домой, у него уже не так болела душа. До завтрашнего дня «Кама» в безопасности. Теперь надо уговорить папу взять ее обратно из магазина.

Но это оказалось делом невозможным. Папа пришел очень поздно и говорить с Саней не стал. Не помогли ни Санины слезы, ни мамино ходатайство.

Утром Саня решил: надо снова идти в комиссионный. До половины одиннадцатого он просидел в классе, а затем, сделав кислое лицо, пошел в учительскую к Елизавете Петровне.

— Голова болит? — встревожилась учительница. — Не заболел ли?

Она озабоченно положила Сане на лоб мягкую руку, и ему стало не по себе. Он бы ни за что не стал ее обманывать, если бы не «Кама».

— Жара нет. Наверное, так, весеннее. Иди домой, полежи.

У выхода он столкнулся с Вадимом Соколовым — в школе его звали просто Соколом. Он шел с улицы. Румяный, возбужденный, весь мокрый — играл в снежки.

— Ты куда?.. Постой!

Он увлек Саню к раздевалке, осмотрелся — вокруг никого не было — и быстро прикоснулся пальцами к своему правому уху, к глазу и, наконец, ко лбу.

— Таобоскоа — Икс, — произнес он при этом.

— Таобоскоа — Зет.

Саня тоже проделал весь комплекс прикосновений, только в обратном порядке: сначала он тронул пальцами лоб, потом глаз и в заключение легонько шлепнул себя по уху.

— Сегодня в шесть у меня: Игрек принесет чертежи.

— Не знаю, Сокол... Я...

— Никаких «не знаю»! Ты давал клятву или не давал? Помнишь? «Что бы со мной ни случилось, запретят ли мне дома, буду ли я лежать с ангиной, все равно, по первому зову Икса...» Вот я тебя и зову.

— Я постараюсь.

— Обязательно, слышишь!..

До комиссионного магазина было минут пятнадцать ходу. Часы возле гостиницы показывали только половину одиннадцатого. Саня пошел медленнее. Торопиться не стоило. Простоишь там в толпе, возле дверей.

Но, подойдя ближе, он увидел, что возле комиссионного никого нет. Странно! Неужели часы подвели?

Да, магазин был уже открыт. Саня толкнул дверь и, разом вспотев от тяжелого предчувствия, побежал к прилавку с фотоаппаратами.

«Камы» не было на месте.

— Товарищ продавец! — отчаянно выкрикнул Саня. — Товарищ продавец!

Продавщица, занятая с покупателем, повернула к нему свое птичье лицо.

— Что тебе?

— Где «Кама»?.. Вот тут вчера висела!

— А, кинокамера... Опоздал ты. Продала. Вот только — минут десять назад... Ах, это ты, — вдруг узнала она Саню и погрозила пальцем. — Опять покупателей отгонять?.. Ты чего?

По щекам Сани стекали скупые мужские слезы.

— Моя была эта «Кама».

— Твоя? — Она подошла ближе. — А кто ее сдал?

— Папа.

В маленьких черных глазах продавщицы сразу появилось живое сочувствие.

— Ай-яй-яй! Что же такое делается!.. Ты слышишь, Валя, — обратилась она через весь магазин к другой продавщице. — Стянул у парнишки кинокамеру и загнал. Пьяница несчастный! Еще отец называется. Головы таким поотрывать!

— Вы что! — ужаснулся Саня. — Он не пьет. Это за двойку.

— Ну, изверг! Ну, изверг!

Саня очутился в центре внимания.

Со всех сторон на него оглядывались любопытствующие покупатели.

— Никакой он не изверг! — обозлился Саня и смахнул рукой слезу. — Ничего вы не знаете и говорите! Он хороший. Только... только вспыльчивый.

И выскочил из магазина.

СТРАННОЕ ПИСЬМО

Долго он ходил по улицам, переживая утрату.

«Кама», «Кама»... Розоватая, блестящая... Она так нежно журчала, когда он нажимал кнопку спуска. Совсем как котенок, если его гладить по спине. И теперь она тоже журчит. Но слушает ее кто-то другой.

Кто он, другой? Уж не вчерашний ли мальчишка? Пошел с отцом в фотомагазин, а «Камы» нет в продаже.

Он и расхныкался: «Давай ту купим!». Надавать бы ему по шее — чтобы знал!

Главное, ни одной пленки не успел еще снять. Ни одной! А сколько было планов! Летом он хотел взять «Каму» с собой в пионерский лагерь. Походы, игры... Можно было бы сделать целый фильм. А пионерский костер снять на цветную пленку. Алое пламя, зеленая трава, синее небо...

И ничего этого не будет. «Камы» больше нет.

Незаметно для себя Саня очутился возле дома. Зайти, положить портфель — зачем таскаться с ним?

Нельзя! Рано еще. Начнутся расспросы: что случилось, почему не в школе?

Лучше в парк. Там сейчас никого нет.

В парке тихо; лишь неугомонные воробьи чирикают бойко и пронзительно. Саня бесцельно бродит по скользким посиневшим дорожкам, волочит портфель по верху снежных сугробов.

— Саня?

Он поднял голову. На скамейке, очищенной от снега, сидел старик — сосед из нижней квартиры.

— Здравствуйте, Владимир Петрович.

— Гуляешь?

— Ага.

— Вот и я... Отдыхаю. — Владимир Петрович тяжело вздохнул. — Третий день отдыхаю. На пенсию вышел. Да.

— Хорошо вам, — с завистью произнес Саня. — Что хотите, то и делаете.

— Хорошо. Да. — Владимир Петрович снова вздохнул. Только скучно немножко.

— А вы бы сходили на реку, посмотрели лед. Он уже весь вздулся.

— Ходил.

— Ну, тогда на Первомайскую, в «Детский мир» — его уже открыли.

— Представь себе, тоже был. Да.

— А на катке?

— На катке — нет. Давно не был. Очень давно.

— Бойтесь — упадете?

Владимир Петрович поправил очки.

— Видишь ли, падать-то я смогу неплохо. Этого я не боюсь. Да. А вот подыматься в моем возрасте несколько затруднительно... Садись, посидим вместе.

Они поговорили о том, о сем. Владимир Петрович стал рассказывать забавные истории, которые с ним случались в детстве. Он словно чувствовал, что с Саней что-то неладное, и старался его развеселить. Саня вежливо улыбался, даже смеялся в положенных местах. И все равно ни на секунду не забывал о своей «Каме».

Потом Владимир Петрович посмотрел на часы и, охнув, заспешил домой. Его ждали к обеду. Саня тоже пошел с ним — уже было время возвращаться из школы.

Димка опять убежал от него в глубину двора, как вчера.

Дурачок! Он и не думает его лупить!

Мама взглянула на Саню с жалостью, от которой сразу заняло сердце.

— Бледный какой! В школе душно, наверное?.. Скоро папа придет, будем обедать.

— Не хочу.

— Вчера не обедал! Сегодня! Так с голоду умрешь... Иди пока на улицу, проветришь немного. Через десять минут приходи.

На улицу? Лучше к Виталию Евгеньевичу.

Виталий Евгеньевич жил совсем один, на третьем этаже, в круглой комнате, помещавшейся под высоченным шпилем. С ним были запанибрата мальчишки всего двора. Они заходили к нему запросто, как к себе домой. В круглой комнате всегда был беспорядок, никто не указывал им: сюда не садись, того не трогай, то не делай. Ребята постарше даже курили — Виталий Евгеньевич только смеялся. «Детскизм!»

Сам Виталий Евгеньевич с ребятами тоже не очень церемонился. Когда к нему приходили по делу или просто надоедал шум, он без долгих разговоров выставлял «юных дармоедов» — так он их называл — за дверь.

Комната оказалась запертой. Ах, да, Виталий Евгеньевич говорил, что уедет на несколько дней — он работал администратором филармонии и частенько разъезжал по городам и селам.

Саня выглянул во двор через окно на лестничной площадке и увидел папу. Он возвращался с работы. Рядом выюном вился радостный Димка и рассказывал что-то смешное — папа улыбался.

Волна обиды с новой силой захлестнула Саню. Вот

он идет, улыбается, и дела ему нет до переживаний старшего сына. Продал «Каму»! А ведь эта двойка по английскому давным-давно исправлена.

Нет, он не пойдет домой! Он спрячется на чердаке и будет там сидеть весь день, всю ночь. И пусть его ищут, ищут, пусть!

Дверь на чердак находилась напротив круглой комнаты. Ее не запирали на замок, только слегка прикручивали проволокой. Года три назад на чердаке возник пожар и оттуда убрали весь хлам, который вызывал у мальчишек великий исследовательский зуд, — старые книги, деловые бумаги каких-то купцов, полуистлевшую мебель, когда-то украшавшую комнаты дома, склянки, банки, коробки. Паломничество на чердак прекратилось — здесь не осталось решительно ничего любопытного.

Саня сел на край бочки с высохшей известью на дне. Откуда-то снизу аппетитными волнами наплывал запах жаркого, и у него сосало под ложечкой.

И все равно он не пойдет домой! Вот умрет здесь с голода!

Ему сразу представилось, как его находят мертвым здесь, на чердаке, рядом с этой грязной бочкой. Проврачные, тонкие руки, заостренный нос. Кто его обнаружит? Мама... Нет, лучше Димка. Он перепугается и заорет на весь дом.

Прибежит папа, побледнеет, снимет шляпу и медленно опустится перед Саней на колени:

— Ах, мой бедный, несчастный сын! Зачем я продал «Каму»? Нет и не может быть мне прощения!

Потом мама с глухим рыданием упадет Сане на грудь, а он скажет тихо:

— Не плачь, мамочка...

Да нет, не сможет он ей ничего сказать! Он ведь будет мертвым.

Тогда пусть лучше летаргический сон. Они все будут думать, что Саня умер, а на самом деле ничего подобного — жив. И потом, когда они наплачутся вдоволь, он встанет и скажет, протянув к ним руки:

— О вы, встаньте и отряхните прах с ваших колен!.. Не плачьте, мать и отец! Не плачь, мой младший брат Дима! Я прощаю всех вас... Но только с условием, что вы купите мне новую «Каму». Или нет, лучше «Кварц-3».